

M 69
50 Карбас

1220

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXIV.

Выпускъ I—II.

1915.

ника можно бы продолжить по монастырскимъ вѣдомостямъ, но, къ сожалѣнію, ихъ не имѣется подъ руками. Интересно бы знать, какія онъ несъ послушанія и съ какимъ успѣхомъ выполнялъ ихъ. Можно думать, что трудовая жизнь рабочаго сдѣлала его выносливымъ монахомъ; постоянная необходимость рабочаго—точно выполнять данныя ему порученія позволяла Венезерову быть аккуратнымъ въ исполненіи послушаній, которыя возлагались на него. А руководство іеромонаха, „которому онъ былъ отданъ въ смотрѣніе“, ручалось за монашескій характеръ какъ послушанія, такъ и терпѣнія новаго монаха.

Н. Никольскій.

Запретныя слова въ языкѣ казакъ-киргизской замужней женщины.

(Посвящается памяти В. И. Ламанскаго).

„... государственный языкъ обширной Имперіи... никогда ничего не теряетъ въ своемъ значеніи и не потерпѣть ни малѣйшей утраты отъ того, что мы въ уваженіе къ доущенному Провидѣніемъ различію племенъ и нарѣчій признаемъ ихъ божескія, естественныя права“.

В. И. Ламанскій.

(Живая Старина, I, 1890, стр. XXIII).

I.

Первый по времени изслѣдователь казакъ-киргизскаго языка Н. И. Ильминскій далъ въ своихъ „Матеріалахъ къ изученію киргизскаго нарѣчія“¹, среди другихъ цѣнныхъ этнографическихъ замѣтокъ, слѣдующее сообщеніе (стр. 191): „Сноха не должна называть по имени родственниковъ мужа. Братьямъ и сестрамъ мужа она даетъ свои имена: тѣремъ, шыракъ, жаркынъ; шыралымъ, бікешъ. Если кто-нибудь изъ мужней родни называется именемъ какой-нибудь вещи, то сноха эту вещь не должна называть обычнымъ ея именемъ, а выдумываетъ для нея другое слово, производя отъ глагола такъ, что это всѣмъ понятно“².

Въ извѣстномъ изданіи Н. И. Гродекова „Киргизы и каракиргизы Сырь-Дарьинской области“³ тому же вопросу посвящены слѣдующія строки (стр. 100):

„Хорошая жена, даже въ бытность невѣстою, изъ стыдливости, не должна звать по имени мужнину родню (кайн) и все колѣно его,

¹ Ученыя Записки Казанскаго Университета 1860, III.

² Это сообщеніе перепечатано въ „Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчій“ Будагова (т. II, стр. 135), причѣмъ даны ошибочно: ТЫРАКъ вм. шыракъ, біккетъ вм. бікешъ.

³ Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ, 1889. (Томъ второй не появился).

до того круга родства, въ которомъ браки разрѣшаются, а должна звать ихъ нарицательными именами. „Менѣ застѣчивая жена называетъ ихъ по именамъ, но только заочно“. „Неприлично также, хотя не столь предосудительно, произносить слова, въ составъ которыхъ входятъ имена мужниной родни“.

Далѣе и Ильминскій и Гродековъ приводятъ любопытный анекдотъ о томъ, какъ женщина изловчилась рассказать про случай, въ которомъ слова: вода, камышь, овца, волкъ, пожаръ и оселокъ не могли быть названы, какъ входившія въ составъ личныхъ именъ мужниной родни и потому запретныя. Анекдотъ перепечатанъ въ словарь Будагова по версiи Ильминскаго, которая короче варианта Гродекова; послѣдній я привожу съ восстановленіемъ чистаго казакъ-киргизскаго произношенія¹:

„Ата, ата! салдыраманы² ары жабында сылдыраманы³ бері жабында маңраману улума жеб-атыр⁴. Жаныману біләмәтә биләп алып келә-коңузуз“ — „Батюшка, батюшка! по ту сторону журчащаго⁵ (воды), по сю сторону шелестящаго (камыша) бляющую (овцу) воющій (волкъ) ѣсть. Принесите точимое (ножь), отточивъ на точилищъ (оселкѣ)“.

Подготовляя къ печати матеріалы по казакъ-киргизскому фольклору, собранные начинающимъ киргизскимъ этнографомъ Мустафой Чокаевымъ (киргизъ Средней Орды, племени кыпшакъ, изъ Гродековской волости, Перовскаго у., Сырдарьинской области), я попутно записалъ со словъ М. Чокаева нѣкоторыя данныя по вопросу о запретныхъ словахъ, которыя и сообщаю въ настоящей замѣткѣ. М. Чокаеву извѣстны случаи запрета (табу) только въ языкѣ замужнихъ женщинъ и въ связи съ родовой организаціей, т. е. какъ разъ случаи, отмѣченные Ильминскимъ и Гродековымъ.

II.

Семья Чокаевыхъ принадлежитъ къ племени „кыпшакъ“, роду „тору-аҗыр“ или просто „тору“, подроду „шашты“, колѣну „бошай“, подколѣну „жанај“ (пра-пра-прадѣдъ Мустафы Чокаева)⁶. Предѣлы, внутри которыхъ для родичей М. Чокаева запретны въ настоящее

¹ Корреспондентъ Гродекова Торгай, какъ живущій среди кураминцевъ (см. предисл., стр. IV), обнаруживаетъ въ своемъ языкѣ сартовское влияние.

² Ильм.: жалтраманы.

³ Ильм.: салтраманы.

⁴ Здѣсь кончается текстъ Ильминскаго.

⁵ Ильм.: сверкающаго.

⁶ По словамъ М. Чокаева, у казакъ-киргизовъ нѣтъ строго различаемыхъ терминовъ, соответствующихъ нашимъ: „племя“, „родъ“, „колѣно“ и т. д.: одинъ

время взаимные браки, ограничиваются принадлежностью къ подроду „шашты“. Въ этихъ же предѣлахъ замужнія женщины не называютъ по имени, въ лицо и за глаза, своего мужа, мужчинъ, которые по возрасту старше ихъ мужа, равно какъ женъ и дѣтей обоего пола, принадлежащихъ лицамъ, которыя старше ихъ мужа¹. Личное имя замѣняется нарицательнымъ по опредѣленной системѣ: всѣхъ мужчинъ, которые старше мужа, женщина называетъ „кајн-аҗа“ (деверь); если мужчина является ровесникомъ свекра или старше его, то женщина именуетъ его, какъ и своего свекра, „ата“ (отецъ)²; если мужчина значительно старше мужа, но моложе свекра, то жена называетъ его во множественномъ числѣ „біј аҗалар“ (князя-дядюшки); старшаго сына лицъ, которыя старше мужа по возрасту, женщина называетъ „мырз-аҗа“ (мираз-братецъ); среднихъ сыновей — „ортаншым“ (мой средний); младшихъ — „кішкінәм“ (мой малюсенькій). Послѣднія два имени, имѣющія на концѣ мѣстоименную притяжательную приставку 1-го лица, представляютъ собою такія же словообразованія, какъ „ханым“, „бегім“; женъ лицъ, которыя старше мужа, женщина называетъ „шешәј“ (матушка); женъ лицъ, которыя старше свекра, женщина именуетъ, какъ и свою свекровь, „енә“ (мать)³; старшей, средней и младшей дочерямъ лицъ, которые старше мужа, присвоиваются имена „бікәш“ (сударыня), „ортаншы-рыз“ (средняя дочь), „кішкәнә-рыз“ (малюсенькая дѣвочка); старшую сестру своего мужа жена называетъ „апа“ (старшая сестра); самыхъ младшихъ дѣтей, послѣднихъ въ семьѣ, женщины называютъ: „кенжәм“ (мой малышъ); кенжә-тај“ (малышъ-жеребенокъ)—про мальчику; „кенжә-бала“ (малышъ-ребенокъ) — про мальчику; „кенжә-рыз“ (малышъ-дѣвочка).

Если въ моментъ пріѣзда молодой въ домъ родителей мужа нѣтъ въ живыхъ свекра, то имя „ата“ переносится на его брата, слѣдующаго за нимъ по возрасту, а если нѣтъ въ живыхъ свекрови, то имя „енә“ переносится на жену брата свекра, слѣдующаго за нимъ по возрасту. Если нѣтъ въ живыхъ свекра и его братьевъ, то имя „ата“

и тотъ же терминъ употребляется въ разныхъ значеніяхъ. Европейская родовая терминологія въ отношеніи казакъ-киргизовъ произвольна и неустойчива. До пересмотра этого важнаго вопроса я придерживаюсь терминологіи, принятой Ильминскимъ, Радловымъ и др.

¹ Въ скоромъ времени указанные предѣлы запретовъ, повидимому, передвинутся впередъ въ связи съ образованіемъ, благодаря естественному приросту населенія, болѣе мелкихъ социальныхъ единицъ. По словамъ М. Чокаева, уже теперь его сородичи поговариваютъ о „шашты“: „кыз алыса—тузун жергә жеттік“ — „мы достигли до мѣста, гдѣ допустимы браки“. Дѣло задерживаютъ старики, которые просятъ молодежь не заключать браковъ въ предѣлахъ „шашты“, пока они (старикъ) живы.

² „Отецъ“ въ отношеніи дѣтей у казакъ-киргизовъ называется әкә, а въ дѣтскомъ языкѣ часто—кәкә.

³ „Мать“ по отношенію къ дѣтямъ у казакъ-киргизовъ называется шешә.

присваивается старшему брату мужа молодой. Если нѣтъ въ живыхъ жень помянутыхъ лицъ, то имя „енй“ присваивается жень старшаго брата мужа молодой.

Кромѣ вышеприведенныхъ обычныхъ и общихъ нарицательныхъ именъ, употребляются еще имена нарицательныя „индивидуальныя“, даваемая женщинами определенному лицу. Такъ, встрѣчаются имена для сыновей лицъ, которыя старше мужа: „төрөм“ (мой благородный), „анна-бьм“ (мой бѣлюсенкйй), „ак жаркыи“ (бѣлый свѣтикъ), „ајдарлым“ (съ косичкой мой), „шырак“ (свѣтикъ) и т. д. Бываетъ, что совѣмъ маленькаго ребенка лица, которое старше мужа, женщина назоветъ: „бөпө-жан“ (дитяtko-душа), и это имя остается за его носителемъ до смерти, но только въ устахъ данной женщины, какъ *нарицательное* вмѣсто *личнаго*. Женщинъ прозываютъ: „көз жаксым“ (глазокъ, хорошая моя), „кара-көз“ (черноглазая), „ајдарлым“ (съ косичкой моя), шырајлым (красавица моя) и т. д.

Мужа своего жена называетъ: „от ағасы“ (хозяинъ огня), или отцомъ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей: Турсуннуң көкбөсү (отецъ Турсуна), или по общественному положенію: мурап (мирабъ, завѣдующій орошеніемъ), елү басы (пятидесятникъ); за глаза— „биздиң үйдүң кісі“ (человѣкъ нашего дома). Сверстниковъ своего мужа женщина называетъ „курдас“ (ровесникъ), а тезокъ своего мужа— „адас“ (тезка).

Во избѣжаніе быть непонятыми или чтобы не вызвать недоразумѣнія при употребленіи обычнаго нарицательнаго имени въ родѣ төрөм, женщины пользуются двумя способами: или выражаются описательно, говоря „братъ нашего мужа“ и т. п., или прибавляютъ впереди обычнаго нарицательнаго имени то—название должности даннаго родственника, говоря: „аулнај мырз'аја“ (мираа-братецъ аульный старшина), „біј кайн-аја“ (деверъ народный судья), то — указаніе на какую-нибудь его физическую или духовную особенность, напримѣръ: бадрак (пучеглазый), семіз (толстякъ), ајр сакал (съ раздвоенной бородой), төрт сакал (четыребородый), көк-көз (голубоглазый), сакау (косноязычный), калкан кулак (со щитообразными ушами), кос'ауз мытык (двустволка; такъ одна женщина прозвала киргиза, лишеннаго мягкой части носа), тобуз-вол (девятипалый), акын (поэтъ), жыршы (пѣвецъ), домбрасы (балалаечникъ), шешән (краснобай) и т. д. Подобныя клички иногда изъ языка женщинъ переходятъ въ общій языкъ.

Бываютъ случаи, что лицу, личное имя котораго для данной женщины запретно, присваивается личное имя чужога человека, напоминающаго внѣшностью или характеромъ этого родственника.

Важно отмѣтить, что если въ семьѣ нѣтъ *сыновей*, то къ старшей *дочери* женщинами примѣняется, но довольно рѣдко, нарицательное имя старшаго *сына*: „мырз'аја“.

Если первенецъ любого пола рождается при жизни родителей мужа, то мать не называетъ его личнымъ именемъ, а называетъ нарицательнымъ, напримѣръ: кенжә бала, бөпө-жан.

Добронравная казакъ-киргизка не называетъ по имени даже жену младшаго брата своего мужа, но только въ томъ случаѣ, если послѣдняя пришла въ домъ родителей мужа раньше данной женщины и застала въ живыхъ свекра или свекровь, которыхъ уже не было въ живыхъ при прїездѣ жены старшаго брата. Въ такомъ случаѣ вмѣсто личнаго имени употребляется нарицательное „kelinпак“ (молодуха).

Иногда, при запретѣ на личное имя определеннаго человека, женщинами оно все же употребляется, но въ искаженномъ видѣ, напримѣръ:

вмѣсто: Мамбат—Самбат

Ali—Cali

Турсун (пусть останется)—Мурсун

Турпан (оставшійся)—Сурпан или Мурпан

Ахмат—Сахмат

Жакыб (Яковъ)—Макыб

Жума (Пятница)—Кума

Жексамбі (Воскресенье)—Мексамбі

Примѣры на подобныя искаженныя имена находятся и въ спискѣ калмыцкихъ женскихъ словъ Очирова¹. Ильминскій и Гродековъ даннаго вопроса не касаются.

III.

Чтобы не произносить личное имя, принадлежащее кому-нибудь изъ родни мужа, женщина бываетъ иногда вынуждена не называть по имени даже и чужихъ людей или людей изъ собственной (не мужниной) родни, когда эти послѣдніе являются тезками одного изъ мужниныхъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ женщинами употребляется общее наименованіе: ат'-терс (имя его неудобно), а въ частности: атам'-аттас (тезка моему свекру) или атамның адасы (тезка моего свекра) и т. д.²

¹ Поѣздка къ калмыкамъ, Изв. Русск. Ком. для изуч. Сред. и Вост. Азии, первая серия, № 10, стр. 73—75. На этотъ списокъ сослался А. Д. Рудневъ въ своей книгѣ „Матеріалы по говорамъ восточной Монголіи“ стр. 204, § 62, пунктъ I, но формулировка вопроса у него неопределенна: „Женщины въ присутствіи (?) старшихъ родственниковъ своего мужа не имѣютъ права произносить нѣкоторыхъ (?) словъ и должны ихъ замѣнять другими“.

² Отмѣчу кстати, что, по словамъ М. Чокаева, изъ двухъ словъ адас и аттас (тезка) первое употребляется чаще съ родительнымъ падежомъ, а второе— съ дательнымъ.

Для замужней женщины являются запретными не только *личные* имена определенной группы родичей, но и *нарицательные* имена вообще, коль скоро они входят въ составъ или *личныхъ* именъ помянутой группы родичей (какъ уже отмѣтили Ильминскій и Гродековъ), или *собственныхъ* именъ ближайшихъ *родовыхъ* единицъ. Такія запретныя нарицательныя имена замѣняются въ языкѣ женщинъ другими, но не только отглагольными, какъ сказано у Ильминскаго. Напримѣръ, у женщинъ рода присырдарьинскихъ „тору“ слово „тор-бај“—*воробей*, какъ личное имя дѣда М. Чокаева, пользовающагося и по смерти большимъ уваженіемъ, замѣняется словами: „шімшік“, „шѳжѳ“, „жаў шѳжѳ“. Въ предѣлахъ подрода „шашты“ въ значеніи *табунъ лошадей* женщины не употребляютъ обще-киргизскаго слова „жылкы“, а говорятъ „міңгіш“ (то, на чемъ ѣздятъ) или „тушар“ (скотъ), потому что колѣбно „бошај“ имѣеть подкольно „жылк'ајдар“. Другіе примѣры замѣны нарицательныхъ именъ въ женскомъ языкѣ, каждый разъ въ зависимости отъ того, что имя это стало въ мужиной роднѣ *собственнымъ*:

вмѣсто бок <i>полеть</i>	}	кыј (навозъ)
		тезѳк (кизыкъ)
ак <i>бѳлый</i>		шаңкан (ясный)
кара <i>черный</i>		баран (темной масти)
сары <i>желтый</i>		шікіл (значеніе неизвѣстно)
мамык <i>тюфякъ</i>	}	тѳсѳк (подстилка)
		жўн-тѳсѳк (волосяная подстилка)
кѳш <i>кочевка</i>		жбнѳў (передвиженіе)
кој <i>овца</i>		маңрама ¹ (блеющее)
кошкар <i>баранъ</i>		азбан (вылегченный баранъ)
алты <i>шесть</i>		бестѳн бїр артык (на одинъ больше пяти)
базар <i>базаръ</i>	}	саўда (торговля)
		кала (городъ)
ајдар <i>коса у дѳтей</i>		тѳбѳ-шаш (волосы на макушкѣ)
пшак <i>ножь</i>	}	ет-кесѳр (рѣжущее мясо)
		жанымма ² (точимое)
балѳа <i>молотокъ</i>		соѳар (бьющій).
токпак <i>деревянный молотокъ</i>		кол-аѳаш (рука-дерево)
ајна <i>зеркало</i>		бет-кѳргўш (въ чемъ видятъ лицо)

¹ Ср. вышеприведенный анекдотъ.

² См. вышеупомянутой анекдотъ.

Пухар <i>Бухара</i>	улу-гѳнт (большой городъ)
бўркўт <i>беркутъ</i>	ўлкѳн-кус (большая птица)
кораз <i>тытухъ</i>	ајыр таук (жеребець-кураца)
тѳшкан <i>мышь</i>	кап тесѳр (продырявливающій мѳшки)
којан <i>заяцъ</i>	есѳк кулак (ослиныя уши)
токту <i>барашекъ</i>	кішкѳнѳ кој (маленькій баранъ).

Названіе рѣки Сары-су въ языкѣ женщинъ, имѣющихъ въ мужиной роднѣ челоуѳка по имени Сары, мѣняется въ Шікіл-су. По словамъ М. Чокаева, одинъ русскій офицеръ спросилъ у женщины названіе мѣстности, гдѣ нынѣ находится станція Ташкентской желѣзной дороги „Соло-тюбе“ (собств. Сўлу-тѳбѳ „Красавецъ-холмъ“), и та отвѣтила „Адѳмі тѳбѳ“ („Красивый холмъ“), потому что слово „сўлу“ для нея было запретнымъ; не объясни мужнины офицеру, въ чемъ тутъ дѣло, на географической картѣ могло бы появиться новое названіе. Существуетъ анекдотъ, что одинъ казакъ-киргизъ отдалъ свою жену въ ученье муллѣ; когда при чтеніи Корана дошли до суры CVIII (каусеръ), женщина отказалась произнести слогъ сар въ арабскомъ словѣ кѳўсар (киргизское произношеніе), ветрѣчающагося въ первомъ стихѣ этой суры, такъ какъ слогъ сар напомнилъ ей запретное для нея слово сары (желтый), и произнесла: кѳў-шікіл! Колѣбно „алты-бас“ (шестиголовый) въ родѣ узун племени кыпшак женщины, для которыхъ запретно слово „алты“, называютъ „жеті-бас“ (семиголовый).

Насколько казакъ-киргизы на Сыръ-дарѣ и понинѣ считаются съ описанными выше запретами для женщинъ на имена, показывается слѣдующій случай, сообщенный М. Чокаевымъ. Ребенку въ семьѣ Бокту-бая дали имя Ајымбѳт. Мулла Таж-Мухаммад, близкій сородичъ Бокту-бая (колѣбно жанај), счелъ себя оскорбленнымъ этимъ обстоятельствомъ, ибо жена Бокту-бая, именуя своего сына Ајымбѳт-омъ, тѣмъ самымъ нарушала запретъ на это имя, какъ принадлежащее покойному отцу Таж-Мухаммад-а. Въ отместку Таж-Мухаммад, дающій обычно своимъ дѣтямъ мусульманскія имена, назвалъ родного сына, несмотря на свое благочестіе, „языческимъ“ именемъ Бокту-бај (бокту-замарашка), давъ ему слѣдовательно имя своего сородича, да еще старшаго, чѣмъ онъ, по возрасту, и тѣмъ предоставивъ своей женѣ возможность произносить запретное имя. Мулла еще грозилъ, что внуку своему онъ дастъ имя отца Бокту-бая, Сѳбан („Засучи рукава“).

Сопоставляя между собою данныя Ильминскаго, Гродекова и М. Чокаева, мы усматриваемъ, что въ основѣ своей они тождественны, въ частности же другъ друга послѣдовательно дополняютъ и исправляютъ. Само собой разумѣется, что вопросъ поллежитъ еще дальнѣйшему обследованію на ряду со множествомъ другихъ неисчерпанныхъ вопросовъ казакъ-киргизской и вообще турецкой этнографіи¹.

А. Самойловичъ.

Петроградъ, апрѣль 1915 года.

Дмитрій Александровичъ и Елизавета Николаевна Клеменцы.

In memoriam.

Когда подумаешь, что тѣсное городское кладбище заключаетъ въ себя прахъ Дмитрія Александровича и Елизаветы Николаевны, становится какъ-то больно и тяжело: хотѣлось бы для нихъ простора степей или еще больше—безбрежнаго простора пустыни. Весь узкій уютъ нашей жизни, заключенной въ тяжелыя каменныя стѣны, былъ не для нихъ... Мятельный духъ „безпокойнаго Клеменца“, какъ онъ любилъ въ шутку называть себя, всегда манилъ его въ даль. Дмитрій Александровичъ родился путешественникомъ, путешественникомъ Божьею Милостью и, какъ другіе, дорогіе русскому сердцу путешественники—Потанины, Клеменцы, страстные естественники (онъ—геологъ, она—ботаникъ), искали всюду не только природу вообще, но и человѣка, и всегда находили его. Чуткіе и внимательные, оба они, встрѣчая въ своихъ странствованіяхъ чужіе народы, никогда за народомъ не теряли изъ виду человѣка. Они умѣли всегда обобщать, и племенные характеристики Клеменца удивительно мѣткі и глубоки, но для него монголъ, буряты, киргизы, сарты были не только членомъ своего народа, но и всегда опредѣленною личностью; какъ ни узокъ былъ часто кругозоръ такого человѣка, какъ ни жалко и ничтожно могло казаться его душевное содержаніе, Клеменцы всегда умѣли найти въ немъ именно это его собственное я. На Дмитріи

¹ У *сартовъ*, этихъ потурченныхъ иранцевъ, затронутые въ настоящей статьѣ запреты для женщины существуютъ, повидимому, въ значительно ограниченнѣхъ, сравнительно съ казакъ-киргизами, размѣрахъ; см. книгу В. Наливкина и М. Наливкиной „Очерки быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“ (Казань, 1896), стр. 158 и 161. У мервскихъ *текинцевъ* (по устному сообщенію Какаджана Бердиева), у которыхъ, повидимому, родовой бытъ значительно распался въ связи съ переходомъ къ осѣдлой жизни, и у *крымскихъ* татаръ (по устному сообщенію С. М. Шалшала, г. Бораганскаго и г. Леманова), интересующіе насъ запреты столь же ограничены, какъ и у сартовъ. У *османскихъ* турковъ въ простомъ народѣ понынѣ считается неприличнымъ, чтобы жена называла по имени родню мужа; вмѣсто личнаго имени употребляется терминъ родства. (Устное сообщеніе Х. Н. Кадызадэ). См. также „Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г.“ Н. Э. Катанова (Спб. 1891), стр. 14—15.

Краткій отчетъ о поѣздѣ въ Ташкентъ и Бухару и въ Хивинское ханство командированнаго СПб. Университетомъ и Русскимъ Комитетомъ приватъ-доцента А. Н. Самойловича въ 1908 году.

27 апрѣля я прибылъ въ г. Ташкентъ со стороны Оренбурга, а 11 іюля выѣхалъ изъ Красноводска на Баку, такъ что въ предѣлахъ Средней Азіи я пробылъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца; все мое путешествіе, со включеніемъ 2 недѣль пути отъ Петербурга въ Среднюю Азію и обратно, заняло 3 мѣсяца вмѣсто предполагавшихся 4-хъ.

І. Ташкентъ — Бухара.

Первую остановку я сдѣлалъ въ г. *Ташкентъ*, гдѣ пробылъ съ 27 апрѣля до 8 мая. Здѣсь прежде всего я по обыкновенію посѣтилъ мѣстныхъ изслѣдователей Средней Азіи: Н. Ф. Петровскаго¹⁾, Н. П. Остроумова, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкаго, А. А. Семенова, Н. В. Дмитровскаго.

Въ Туркестанской публичной библіотекѣ я ознакомился съ новыми выпусками Туркестанскаго Сборника, не выходившаго уже 20 лѣтъ (1887 — 1907) и возобновленнаго въ 1907 году; подробныя объясненія мнѣ любезно давали участники этого кропотливаго труда А. А. Диваевъ и библіотекаръ г. Зыковъ. Детальнѣе остановиться на этомъ пунктѣ моего отчета, равно какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, я намѣренъ въ отдѣльныхъ печатныхъ замѣткахъ²⁾.

При содѣйствіи Н. П. Остроумова познакомился съ воспитанниками Учительской Семинаріи *изъ туркменозъ* и съ ихъ помощью разбиралъ свои туркменскіе матеріалы.

1) Скончался 19 ноября сего года. Да будетъ ему легка земля!

2) Замѣтка о Туркестанскомъ Сборникѣ уже напечатана въ IV вып. XVIII т. Записокъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общества.

Большую часть времени я проводилъ съ туземцами, какъ въ старомъ городѣ, такъ и у себя въ гостинницѣ. По доброму восточному обычаю я обмѣнивался съ туземными своими знакомыми подарками и въ Ташкентѣ, и впослѣдствіи въ Хивѣ; какъ люди книжные, мы подносили другъ другу литературныя памятки, и мнѣ очень пригодились для этой цѣли изданія Ильяса Мурзы Бораганскаго: 1) миниатюрный Коранъ и 2) сура Ясинъ изъ извѣстнаго Корана Османа.

По вопросамъ старой и современной средне-азиатской литературы на турецкомъ языкѣ я бесѣдовалъ съ поэтомъ Кямі (کیمی), знакомству съ которымъ я обязанъ Н. Г. Маллицкому, и съ муллою Турсунъ-Казы, дядей моего давнишняго пріятеля Кемаль-ед-динъ-Ходжи. Кямі подарилъ мнѣ бухарское литограф. изданіе сочиненія Неваи «Махбуб-ул-кулуб» и продалъ ташкентское литогр. изданіе: «Бѣяз» — стихотворный сборникъ съ участіемъ и музы Кямі; на послѣдней страницѣ Кямі собственноручно приписалъ свое новое произведеніе. Кемаль-ед-динъ подарилъ мнѣ: 1) очень длинное письмо въ стихахъ извѣстнаго кокандскаго поэта Фиркатъ (автографъ), написанное послѣднимъ изъ Константинополя ташкентскимъ друзьямъ; 2) два лоскутка бумаги, на которыхъ дважды написана шутивая «сартовская» пѣсенка: «Мытарства пассажира 4-аго класса».

Неоднократно посѣщалъ одну изъ русско-туземныхъ школъ стараго города, въ которой мусульманскіе предметы преподаетъ по новому методу помянутый Кемаль-ед-динъ, горячій сторонникъ просвѣщенія своихъ соплеменниковъ въ европейскомъ духѣ. Кромѣ знакомства съ ходомъ учебныхъ занятій эти посѣщенія давали мнѣ еще отличный случай прислушиваться къ говору ташкентцевъ и записывать образцы ташкентскаго турецкаго нарѣчія; для послѣдней цѣли обязательный Кемаль-ед-динъ собралъ еще однажды старшихъ своихъ учениковъ у себя, въ кельѣ (һўйра) медресы Ходжа Ахрара, а младшихъ—въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Такимъ образомъ я записалъ нѣсколько пословицъ, загадокъ, пѣсенокъ и коротенькихъ разсказовъ и рядъ отдѣльныхъ словъ и выраженій.

Цѣнные свѣдѣнія по языку и быту ташкентцевъ сообщилъ мнѣ другой мой старинный пріятель, практикантъ Учительской Семинаріи и авторъ «Устоди авваль для русско-туземныхъ школъ Туркестанскаго края» (изд. VI, 1907 г.) мулла Саидъ-Расуль; онъ подѣлился

со мной, кромѣ того, своими наблюденіями надъ ходомъ учебнаго дѣла среди туземцевъ.

Н. П. Остроумовъ любезно доставилъ мнѣ возможность присутствовать на «мальчишникѣ» (канунъ свадьбы) у почтеннаго туземца Ишанъ-Ходжи; здѣсь я имѣлъ случай близко наблюдать различныя любопытныя проявленія восторженнаго отношенія туземцевъ (да и русскихъ) къ «бача» съ одной стороны и искусные способы (между прочимъ танцы) воздѣйствія этихъ мальчиковъ на публику съ другой.

Я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Кемаль-ед-диномъ первую литографію въ старомъ городѣ, существующую всего около года и принадлежащую Арифджанову. Кромѣ упомянутаго выше «Бѣяз», я приобрѣлъ на базарѣ изъ напечатанныхъ въ этомъ заведеніи: «Mälikä Dilaram», «Сонникъ» и «Хурліка».

Вникалъ въ современное настроеніе средне-азіатцевъ. По поводу усиленно обсуждавшагося весной въ русскихъ мусульманскихъ газетахъ вопроса о положеніи женщины, котораго коснулась и Ташкентская туземная газета, Бака-Ходжа, студентъ самаркандскаго медреса Ширъ-даръ сообщилъ мнѣ, что онъ написалъ по-персидски «rīsalē», оспаривающее «ногайскіе» взгляды на женскій вопросъ; «rīsalē» должно быть напечатано по-персидски, по-турецки и по-русски; принадлежа къ духовной средѣ, Бака-Ходжа, однако, среди своихъ — человѣкъ довольно передовыхъ взглядовъ, и его отрицательное отношеніе къ эмансипаціи мусульманской женщины тѣмъ характернѣе для Средней Азіи. Съ Бака-Ходжой я бесѣдовалъ уже въ пути между Самаркандомъ и Бухарой, благодаря случайной встрѣчѣ съ этимъ моимъ давнишнимъ знакомымъ.

Вторую остановку, весьма короткую, я сдѣлалъ въ *Бухаръ* (9—11 мая), найдя радушный пріютъ у драгомана нашего политическаго агентства М. Э. Никольскаго. На книжномъ базарѣ старой Бухары я купилъ рукопись на языкѣ тѣркѣ, содержащую: 1) стихотворный разсказъ про Али и Ханифэ (ff. 1 b—76 a) и 2) сборникъ *مثنوی* поэта Хувейда (*هویدا* ff. 76 b—160 b); кромѣ того я приобрѣлъ покупкой литографированныя изданія: «Цѣңнамә-і-Цѣмшід-падшаһ» (бухарское) и «Юсифъ и Зулейха» Андалиба (самаркандское). При любезномъ содѣйствіи М. Э. Никольскаго я осмотрѣлъ типо-литографію гг. Гай-

синскаго и Бендецкаго (бывшую Левина) и получилъ списокъ (къ сожалѣнію неразборчивый) мусульманскихъ книгъ, напечатанныхъ въ ней съ мая 1907 года (45 №№).

II. *Подъ Хивой.*

Утромъ 12 мая я сѣлъ въ Чарджуѣ на пароходъ и 14 мая около 2 часовъ пополудни сошелъ на аму-дарьинскій берегъ верстахъ въ 6-ти отъ Петро-Александровска. Въ этомъ городѣ извозчиковъ не водится; приходится телеграфировать изъ Дарганъ-ата администраціи о высылкѣ казенныхъ или частныхъ лошадей; и такихъ на этотъ разъ не хватило для всѣхъ пассажировъ, такъ что я попалъ въ городъ только часовъ въ шесть вечера. За неимѣніемъ гостинницы и свободныхъ номеровъ въ Военномъ Собраніи я остановился въ квартирѣ городского полицейскаго пристава С. Н. Черкеса, съ которымъ познакомился на берегу у парохода. Въ *Петро-Александровскѣ* я пробылъ до полудня 17 мая. Начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла Сыръ-дарьинской области, генералъ Н. Г. Глушановскій, которому я предъявилъ, кромѣ открытыхъ листовъ отъ Комитета и Туркестанскаго генераль-губернатора, еще частное письмо Н. Ф. Петровскаго, столь внимательно отнесшагося къ моему путешествію,—оказалъ мнѣ всемѣрное содѣйствіе и радушнѣйшимъ образомъ принялъ меня въ своемъ домѣ. Генералъ ссудилъ меня двумя картами Хивинскаго ханства и помогъ мнѣ составить приблизительный маршрутъ поѣздки по владѣніямъ Ханъ-Азрета. Въ ожиданіи, пока хивинскія власти получаютъ извѣщеніе о моемъ приѣздѣ и когда мнѣ можно будетъ тронуться въ дальнѣйшій путь, я дѣлалъ послѣднія необходимыя для путешествія по Хивѣ покупки и приготовления.

Въ Петро-Александровскѣ помимо бібліотеки при Военномъ Собраніи открыта еще съ 1 мая 1907 г. «Петро-Александровская городская имени Н. А. Иванова (перваго начальника Аму-д. отдѣла, впоследствии Туркестанск. генераль-губернатора, нынѣ покойнаго) бібліотека», находящаяся въ вѣдѣніи особаго комитета. Первымъ предсѣдателемъ комитета былъ Ник. Эд. Вундцетель; бібліотекаремъ нынѣ состоятъ бывшій воспитанникъ Ташкентской Учительской Семиваріи

Вас. Петр. Шпеневъ; бібліотека помѣщается при Поземельномъ Податномъ присутствіи въ одной комнатѣ; тутъ же имѣется и зародышъ будущаго музея археологическаго и естественно-историческаго ввидѣ нѣсколькихъ древнихъ камней и сосудовъ, древняго оружія, шкафа съ монетами и стойки съ сѣменами злаковъ и зоологическими препаратами.

III. Хива.

17 мая около 2 часовъ пополудни сѣлъ въ хивинскій каюкъ на Кара-багской переправѣ, черезъ два часа, пересѣкши Аму-дарью, въѣхалъ въ судоходный Шахъ-авадскій каналъ, а еще черезъ часъ былъ въ замкѣ Ханкинскаго губернатора (накѣм или бакъ), гдѣ я началъ и закончилъ свое пріятнѣйшее въ общемъ, почти полуторомѣсячное, путешествіе по Хивинскому ханству (17 мая — 26 іюня).

Работать я началъ только въ городѣ Хивѣ, послѣ того какъ помощникъ начальника Аму-дарьинскаго отдѣла, полковникъ Н. С. Масичъ, любезно исполнившій просьбу генерала Н. Г. Глушановскаго проводить меня до резиденціи Его Свѣтлости Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-хана, представилъ меня хану, его наслѣднику и первымъ хивинскимъ сановникамъ и такимъ образомъ обезпечилъ мнѣ съ ихъ стороны полнѣйшее содѣйствіе.

Въ г. Хивѣ я прожилъ въ первый разъ съ 18 мая до 27-го, употребивъ это время на довольно разнообразныя работы. Занимая комфортабельныя для Хивы апартаменты посольскаго дома и пользуясь полнымъ гостепріимствомъ Его Сіятельства наслѣдника Исфендіаръ-тюрі, въ усадьбѣ котораго этотъ домъ находится, я имѣлъ постоянно подъ руками лицъ, предупредительно исполнявшихъ мои желанія, и экипажъ, всегда готовый къ моимъ услугамъ. Часть дня я занимался дома, а часть проводилъ въ разныхъ концахъ города. При мнѣ состоялъ услужливый Саибъ-Назаръ-бай, который ко второму моему приѣзду въ г. Хиву (на обратномъ пути) изъ завѣдующаго посольскимъ домомъ былъ неожиданно назначенъ первымъ министромъ (мәтәр, мәһтәр); его мѣсто занялъ Абдулла-бай, сынъ Мирза-башы (см. ниже).

Имѣя постоянную практику въ хивинскомъ говорѣ среди окружающихъ меня лицъ, я спеціально занимался городскимъ нарѣчіемъ съ приставленнымъ ко мнѣ для этой цѣли Медеминъ-баемъ (Мухаммедъ-Эминъ-бай), словоохотливымъ сборщикомъ податей; подъ его диктовку я записалъ, между прочимъ, названія хивинскихъ одеждъ и тканей и названія хивинскихъ яствъ.

Осмотрѣлъ рядъ заведеній хивинскихъ цеховъ: 1) мастерскую шелковыхъ тканей, 2) круподерню, 3) кунжутный заводъ, 4) шапочную мастерскую, 5) глинообжигательный заводъ, 6) хлѣбопекарню, 7) базаръ глиняной посуды, 8) заводъ глиняныхъ печей для хлѣба, 9) улицу мѣдныхъ мастеровъ (этотъ цехъ, издающій много шума, поселенъ на краю города), 10) мастерскую полировщиковъ алачи, 11) мастерскую золотыхъ дѣлъ мастера и 12) мастерскую лошадиной сбруи. Знакомаясь въ общихъ чертахъ съ разными ремесленными производствами, я обогащалъ при этомъ свой словарь хивинскихъ словъ.

Наблюдалъ хивинскую музыку, пѣніе, танцы. Слышалъ: 1) придворнаго тамбуриста Метъ-Якуба; 2) народнаго пѣвца (бахшы), исполнявшаго народно-книжныя произведенія подъ акомпаниментъ дутары (игралъ самъ) и двухъ дудокъ (буламанъ), на которыхъ играли два его товарища; 3) послѣдняго въ г. Хивѣ дряхлаго придворнаго игрока на кобузѣ¹⁾; 4) игру на гырджаклахъ съ бубномъ. Видѣлъ сартовскій кукольный театръ — «чадыр-хаја» и акробатовъ — «масхара-баз». Бесѣдовалъ съ первымъ въ г. Хивѣ знатокомъ теоріи поэзіи и музыки, поэтомъ, композиторомъ и каллиграфомъ Мухаммедъ-Расуль-бай Мирза-башы, сыномъ покойнаго извѣстнаго поэта и историка Камуль (کامل).

Приобрѣлъ для этнографическаго музея Академіи Наукъ коллекцію хивинскихъ музыкальныхъ инструментовъ и два полныхъ костюма — мужской и женскій — простолудиновъ города Хивы.

Осмотрѣлъ медресѣ и другія достопримѣчательности города, въ томъ числѣ и гордость хивинскихъ купцовъ — магазинъ на русскій ладъ, такъ и прозванный «магәзін». Видѣлъ одинъ изъ первыхъ камней фундамента будущей новой, «молодой» Хивы: строящееся

1) Кобузъ почти вышелъ изъ употребленія у городскихъ жителей Хивинскаго ханства и остался преимущественно у казакъ-киргизовъ и кара-калпаковъ.

еще медреса Исламъ-Ходжи, гдѣ преподаваніе будетъ поставлено на новый ладъ, со свѣтскими науками. Бесѣдовалъ съ казанскимъ молодымъ муллою, учителемъ одной изъ 4 только-что открытыхъ въ хивинскомъ ханствѣ мектебовъ новаго типа; косное большинство и особенно духовенство относится пока весьма враждебно къ вполне разумнымъ попыткамъ лучшихъ хивинскихъ людей реформировать ужасную старую мусульманскую начальную школу.

Подъ руководствомъ любимца хана, одного изъ лучшихъ современныхъ хивинскихъ поэтовъ (онъ-же и врачъ) Ахмедъ-Табиба¹⁾ я ознакомился съ ханскими книгохранилищами и придворной литографіей.

Нынѣ ханствующій Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ II, просвѣщенный покровитель хивинской науки и искусствъ, проявилъ полную готовность содѣйствовать научному изученію его страны и открылъ мнѣ доступъ также и къ своимъ собственнымъ, личнымъ книжнымъ сокровищамъ.—Я по два раза занимался въ обѣихъ ханскихъ библіотекахъ: въ Аркѣ и въ Таза-багѣ, обращая главное вниманіе на рукописи, написанныя по-турецки и дважды посѣтилъ ханскую литографію, пріютившуюся на лѣто въ садовомъ павильонѣ Таза-бага²⁾. Въ Таза-багскомъ кабинетѣ Его Свѣтлости я просматривалъ новые списки съ разныхъ рукописей и печатныхъ изданій, непрерывно изготовляемые цѣлымъ штатомъ придворныхъ переписчиковъ. По распоряженію хана мнѣ вручили нѣсколько ханскихъ изданій и въ томъ числѣ еще неоконченное послѣднее: собраніе 3200 газелей 32 современныхъ хивинскихъ поэтовъ, которымъ предшествуютъ 100 газелей самого хана, подписывающагося въ стихахъ «Фирузъ». Редактируетъ это изданіе Ахмедъ-Табибъ³⁾. Въ Таза-багѣ я посѣтилъ лучшаго въ Хивѣ придворнаго каллиграфа, рѣзчика печатей, отливателя пушекъ и часового мастера Худай-бергенъ-дивана.

1) О немъ см. также въ статьѣ А. Калмыкова «Хива» (Протоколы Турк. кружка любит. археологіи, годъ XII, стр. 56).

2) Литографія существуетъ (съ перерывами) съ начала 70-ыхъ годовъ XIX столѣтія, но до меня о ней, насколько мнѣ извѣстно, никто не сообщалъ.

3) Свою коллекцію литографированныхъ и рукописныхъ книгъ я передалъ въ Азіатскій Музей. Описанію ханскихъ библіотекъ я посвящаю отдѣльную статью.

Его Сіятельство наслѣдникъ Исфендіаръ-тюря присылалъ мнѣ для просмотра нѣ домъ рядъ рукописей, часть которыхъ была оставлена мнѣ въ подарокъ. Книжныя подношенія получилъ также отъ Исламъ-Ходжи и Хусейнъ-бега; оба знаютъ русскій языкъ и выписываютъ русскія и мусульманскія газеты. Я отдаривался упомянутыми выше изданіями Бораганскаго, а хану и наслѣднику я кромѣ того поднесъ по экземпляру изданія проф. П. М. Меліоранскаго «Шейбани-намэ».

Въ г. Хивѣ стали поступать ко мнѣ въ качествѣ подарковъ и старинныя монеты, которыхъ къ концу путешествія по ханству у меня собралось порядочно, — преимущественно хорезмійскія: золотыя, серебряныя и мѣдныя¹⁾.

Въ г. Хивѣ-же я началъ дѣлать фотографическіе снимки; всего за путешествіе я израсходовалъ 8 дюжинъ пленокъ изъ 30, данныхъ мнѣ этнографическимъ музеемъ Академіи Наукъ; больше не паснималъ, во-первыхъ, изъ-за лишней экономіи, а, во-вторыхъ, потому, что былъ стѣсненъ въ фотографированіи и, напримѣръ, не имѣлъ доступа къ женщинамъ, не только городскимъ, но и сельскимъ, включая туркменокъ; къ концу, вѣроятно, отъ жары испортился аппаратъ.

IV. Отъ г. Хивы до г. Стар. Ургенча (27 мая — 7 іюня).

Составленный мною въ Петро-Александровскѣ при содѣйствіи ген. Н. Г. Глушановскаго примѣрный маршрутъ моей поѣздки по Хивинскому ханству я пересмотрѣлъ въ г. Хивѣ вмѣстѣ съ Исламъ-Ходжой и сократилъ на два пункта: Змушкирь и Нукусъ; во время поѣздки я еще выбросилъ (изъ-за затопленія пути) Мангытъ, такъ что я проѣхалъ въ концѣ концовъ по пути: г. Хива, Газаватъ, Тахта-базаръ, Ташаузъ, Илялы, Акъ-тепе, Куня-Ургенчъ, Ходжейли, Порсу, Клычъ-Ніязь-бай, Гурленъ, Новый Ургенчъ, г. Хива, Ханка и Петро-Александровскъ.

Когда насталъ день моего отъѣзда изъ города Хивы, ханъ далъ мнѣ въ спутники полковника (жуз-башы) своей придворной стражи Ба-

1) Монеты переданы мною въ восточный музей при факультетѣ восточныхъ языковъ.

тыр-бая съ нѣсколькими неукерами (число ихъ въ пути мѣнялось отъ 2 до 3), а наслѣдникъ, который высылалъ за мной въ Ханка свой городской экипажъ, предоставилъ мнѣ теперь русскій тарантасъ, пару лошадей подъ который должны были выставять попутные хакимы. Всѣмъ попутнымъ хакимамъ было послано Исламъ-Ходжой¹⁾ увѣдомленіе о моемъ приѣздѣ, общая инструкція о содѣйствіи была вручена Батыр-баю, а для хакима Куня-Ургенча Исламъ-Ходжа далъ мнѣ особое письмо. До Ташауза со мной въ тарантасѣ ѣхалъ Мединъ-бай. Хакимы выѣзжали ко мнѣ навстрѣчу сами или высылали своихъ набовъ (ناب) съ неукерами. Въ округахъ съ безпокойнымъ туркменскимъ населеніемъ, особенно іомудами, гдѣ вооруженные неукеры содержатся въ большомъ количествѣ, высылаемый мнѣ почетный караулъ достигалъ внушительныхъ размѣровъ. Дороги за малыми исключеніями вполне удобны для ѣзды по нимъ въ экипажѣ, и мостовъ объѣзжать не приходилось, но съ лошадьми часто изрядно мучились, такъ какъ рѣдко гдѣ онѣ приучены къ русской запряжкѣ, да еще парой. Кое-гдѣ ѣхали цугомъ, мѣстами тарантасъ валился съ лошадьми въ арыкъ, иногда, отѣхавъ отъ калы (резиденція хакима), приходилось поочередно перепрыгать напробу лошадей неукеровъ, такъ какъ данныя хакимомъ отказывались ѣхать; разъ, подъ Ташаузомъ, дѣло дошло до выпряжки лошади у проѣзжаго арбакеша. Въ полосѣ, отдаленной отъ Аму-дарьи, погода стояла пріятная и комаровъ не было. Останавливался въ замкахъ (кала) хакимовъ или въ ханскихъ садахъ (Тахта-базаръ, Иляллы, Акъ-тепе). Всюду встрѣчалъ гостепріимный приемъ и получалъ содѣйствіе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—особенно (Тахта-базаръ, Куня-Ургенчъ, Порсу, Клычъ-Ниязъ-бай, Ханка).—Однако, въ населеніи ходили насчетъ меня невыгодные для моихъ занятій слухи, то будто я—миссіонеръ, то будто я ишу свободныхъ земель для переселенцевъ и т. п. Эти слухи и официальная обстановка моего путешествія, къ сожалѣнію, помѣшали мнѣ его должнымъ образомъ использовать. Получилась только *общая научная разведка*.

Выѣхавъ изъ Хивы въ 12 ч. утра по мусульманскому времени, я былъ въ Газаватѣ въ 4 ч. (4 таша); черезъ два часа тронулся дальше и въ

1) Исламъ-Ходжа, не занимая официального поста, обладаетъ огромнымъ вліяніемъ на хивинскія дѣла, какъ представитель духовнаго рода ходжей при ханѣ; достаточно сказать, что въ рукахъ Исламъ-Ходжи находятся финансы страны.

10 ч. вечера былъ въ Тахта, гдѣ пробылъ до 6 ч. вечера 29 мая. Населеніе кругомъ іомудское, и бросается въ глаза большое количество вооруженныхъ берданками—«бързайкѣ», какъ говорятъ хивинцы,—это все «кандары» и «хостары», т. е. представители искомой и ищущей сторонъ въ исполненіи ужаснаго обычая кровной мести; утромъ 29 мая, въ базарный день подъ крѣпостцой Тахта произошла перестрѣлка съ жертвами — соблюли обычай!

Съ 29 вечера до 31 утра прожилъ въ Ташаузѣ; выѣхавъ отсюда на каюкѣ по каналу Шах-авадъ въ 9 ч. 40 м. утра по мусульм. времени, я въ 3 ч. дня достигъ Иляллы. На каюкѣ, шедшемъ внизъ по теченію, да еще влекомомъ на лямкѣ коннымъ бурлакомъ, стоялъ мой тарантасъ; Батыръ-бай ѣхалъ со мной, а неукеры скакали сухопутьемъ, прихвативъ коня Батыръ-бая. Въ Иляллы оставался до утра 5 іюня, когда переѣхалъ въ Акъ-тепе (4¼ часа пути), а оттуда утромъ 7 іюня направился въ Старый Ургенчъ, котораго достигъ чрезъ 6 часовъ. Здѣсь я прожилъ до утра 12 іюня.

На остановкахъ собиралъ свѣдѣнія о племенномъ и родовомъ составѣ мѣстнаго населенія и старался уловить особенности мѣстнаго говора. Слушалъ народныхъ пѣвцовъ разныхъ племенъ и отмѣчалъ какъ ихъ репертуаръ, такъ и особенности ихъ пѣнія и музыки. Продолжалъ изучать господствующій въ ханствѣ хивинско-сартовскій говоръ, записывая сказки, рассказы¹⁾, загадки, отдѣльные выраженія и слова, въ томъ числѣ: названія базаровъ, административныхъ должностей, ремесленныхъ цеховъ, растений и животныхъ, отдѣльных частей человѣческаго жилья, различныхъ мѣръ, термины родства, мужскія и женскія имена, клички собакъ и лошадей, привѣтствія, ругань и т. д., и т. д. Наблюдалъ бытъ и нравы мѣстныхъ жителей.

Моиими постоянными наперсниками были упомянутый Батыръ-бай и его неукеръ Худа-вергенъ. Юзъ-баши Батыръ-бай, правнукъ Ходжешъ-Мерема и праправнукъ Алла-верди-Атчапана, алтынъ-джилоуцевъ, съ которыми имѣлъ дѣло во время своего путешествія Муравьевъ, — учился въ медресѣ, былъ хакимомъ въ Иляллы и Конградѣ, служилъ русскимъ во время текинской экспедиціи,

1) Одинъ рассказъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ уже въ IV вып. «Живой Старины» за 1908 г.

имѣть въ обиходѣ два русскихъ слова: «чѣто» (что) и «канді-
іаѣт» (кандидатъ), считается храбрымъ воиномъ, отличается боль-
шимъ благочестіемъ, любитъ душеспасительное чтеніе, человѣкъ осто-
рожный и дипломатичный; онъ охотно освѣдомлялъ меня о томъ, что
онъ, какъ мулла, не считалъ пустяками, а за послѣдними всегда направ-
лялъ меня къ Худа-вергену. Неукеръ Худа-вергенъ, сорокалѣтній
неграмотный хивинскій сартъ, за свою симпатичную мужиковатость
получившій отъ Батыръ-бая, своего начальника, кличку «бабаі» (такъ
зовутъ въ Хивѣ не всѣхъ русскихъ, а исключительно ссыльных ураль-
цевъ), прекрасно дополнялъ Батыръ-бая по части «пустяковъ» (бі-
мані сѳз), т. е. простонародной словесности; подъ его диктовку я за-
писалъ двѣ большихъ хивинско-сартовскихъ сказки, помимо разныхъ
другихъ мелочей. Простодушный Худа-вергенъ привязался ко мнѣ
самымъ искреннимъ образомъ, и я вспоминаю его и его начальника
съ чувствомъ теплой благодарности.

Въ Тахта я имѣлъ дѣло съ туркменами-іомудами, въ Ташаузѣ—
съ узбеками, въ Ияллы— съ туркменами: имрели, карадашлы,
чандыръ, агаръ, въ Акъ-Тепе — съ гокланами (тоже туркмены),
въ Куня-ургенчѣ — съ іомудами, казакъ-киргизами, кара-кал-
паками.

Въ Тахта слышалъ знаменитаго іомудскаго бахшы Шаммаръ,
въ Ташаузѣ видѣлъ масхарабазовъ: два мальчика въ пестрыхъ
костюмахъ сначала граціозно танцовали подъ звуки частью рус-
ской гармоники, частью оркестра изъ двухъ сурнѣ и одного бубна,
потомъ паясничали, перемѣняя костюмы и пародируя какъ отдѣльныя
профессіи (мулла, цирюльникъ), такъ и отдѣльныя народности (турк-
мены, казакъ-киргизы); играли очень живо и остроумно, но мѣстами
слишкомъ неприлично. Подъ Ияллы посѣтилъ «Братскую могилу вои-
новъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ туркменами 13 и 15 іюля 1873 г. у сел.
Чандыръ» и убѣжище дервишей (календер-хана). Въ Акъ-Тепе встрѣ-
тился и много бесѣдовалъ съ хакимомъ Куня-Ургенча, поэтомъ Шейхъ-
Назаръ-баемъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ
сановниковъ ханства; онъ ѣхалъ въ г. Хиву.

V. *Отъ Стар. Ургенча до Петро-Александровска (7 іюня—26 іюня).*

Въ Старомъ Ургенчѣ (въ хивинскомъ просторѣчїи Кѡнй, изъ перс. *كوه*, безъ прибавки имени Ургенчъ) я прожилъ съ 7 до 12 іюня (5 дней); кромѣ занятій въ указанныхъ выше направленїяхъ я употреблялъ здѣсь время на осмотръ памятниковъ мѣстной старины и на ихъ фотографированіе. За послѣднее время окрестности Ст. Ургенча снова пришли въ цвѣтущее, можно сказать, состояніе благодаря, главнымъ образомъ, тому, что рядомъ энергичныхъ мѣръ приведены въ полное повиновеніе іомуды. Между прочимъ помимо иррегулярной конницы мѣстный энергичный хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай завелъ казачій отрядъ на русскій образецъ; отрядъ состоитъ преимущественно изъ казакъ-киргизовъ подъ командой знакомаго съ русскими порядками юз-баши, тоже казакъ-киргиза. Современный городъ лежитъ, какъ извѣстно, къ сѣверу отъ развалинъ, непосредственно къ нимъ примыкая (старое русло Амударьи проходитъ къ югу отъ развалинъ); поля и сады надвигаются на площадь руинъ съ трехъ сторонъ (З. С. В.), и площадь эта замѣтно уменьшается: видно, какъ хивинцы очищаютъ почву отъ камней, выравниваютъ ее, бороздятъ оросительными канавами, удабриваютъ разсыпаніемъ плодородной привозной земли, — словомъ, насаждая новую культуру, вытравляютъ на вѣки слѣды мнувшаго... За что можно, пожалуй, не опасаться, это — за тѣ изъ уцѣлѣвшихъ построекъ, которыя дѣлаютъ Ст. Ургенчъ, интересный для насъ, — святымъ для хивинцевъ: за надгробія. Могилы, особливо, святыхъ берегутся весьма бдительно: надмогильные камни укутаны въ нѣсколько покрывалъ и охраняются шейхами отъ расхищенія и порчи; хивинцы, проученные горькимъ опытомъ, очень остерегаются заѣзжихъ купцовъ изъ немусульманъ, промышляющихъ между прочимъ и древностями. — Я набросалъ наглазомѣръ планъ мѣстности со старинными постройками или ихъ остатками. При объѣздахъ развалинъ меня всегда сопровождалъ ургенчскій Рейсъ-Ишанъ, скромный, простой, но весьма начитанный и умный блюститель правовъ изъ кара-калпаковъ.

Знакомился съ пѣніемъ и музыкой казакъ-киргизовъ и кара-калпаковъ и записывалъ тексты на этихъ нарѣчїяхъ. Присутствовалъ на представленіи шутовъ-любителей; пародировали: казакъ-киргизскихъ

плакальщицъ, сартовскихъ и персидскихъ бачей, «совѣтъ русскихъ генераловъ передъ взятіемъ Гѣкъ-тепе». Въ хивинскихъ городахъ любятъ эти пародированья, и профессиональныя, и любительскія, но исполнителями въ нихъ выступаютъ не узбеки и чаще не хивинскіе уроженцы вообще, а выходцы изъ Бухары, Ташкента, Персіи, Аваганистана. Мулла Джума-Ніязъ сообщилъ мнѣ хивинскую сатиру на казакъ-киргизовъ. Въ Стар. Ургенчѣ я попалъ на слѣдъ стиховъ, посвященныхъ 1873 году, но только въ Ходжейли мнѣ удалось заполучить два отрывка изъ нихъ; въ полномъ объемѣ «Хорезм-намэ» для меня оказалась недоступной, равно какъ и произведенія хивинскихъ поэтовъ.

По дорогѣ въ Ходжейли (12 іюня) я осматрѣлъ и сфотографировалъ кладбище съ мавзолеемъ «Мазлумъ-Сулу» и развалины крѣпости Гяуръ-Кала (1 фарсахъ, или ташъ отъ Ходжейли). Въ Ходжейли начались комары, хотя тамъ говорятъ, будто городъ заговоренъ какимъ-то святымъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Купилъ: 1) рукопись (түркі) со сказаніями о взятіи Хорезма Чивгизъ-ханомъ и о мученической кончинѣ Шейха Неджм-уд-дина Кубра, 2) пару ножей, производствомъ которыхъ славится Ходжейли.

Въ Порсу, округъ котораго населенъ туркменами племени чоудоръ, пробылъ съ 14 до 17 іюня. Здѣсь я впервые видѣлъ тотъ пережитокъ шаманства у мусульманскихъ турковъ, который у казакъ-киргизовъ называется «баксы», а у хивинскихъ туркменовъ и узбековъ — «порхан». «Порхан», это мужчина или женщина, приводящіе себя въ изступленіе причитаніями подъ удары въ бубень (безъ колотушки) и въ такомъ состояніи изгоняющіе изъ больныхъ нечистый духъ или предсказывающіе будущее. Хивинскіе сарты называютъ такихъ людей арабско-перс. словомъ «палмін» (= *فالمین* + *بپ*). Я видѣлъ мужчину, одѣтаго въ женское красное платье и съ краснымъ платкомъ на головѣ. — Слышалъ знаменитѣйшаго во всемъ ханствѣ бахшы Сүжюу, 58 лѣтъ, чоудорца. Купилъ: 1) коллекцію чоудорскихъ вышивокъ шелкомъ на рубашахъ, кисетахъ для денегъ, табаку и чаю и на калпакахъ старой, остроконечной формы, нынѣ почти вышедшей изъ употребленія во всемъ ханствѣ¹⁾; 2) два образца ковроваго производ-

1) А. Калмыковъ въ цитованной выше статьѣ отмѣтилъ: «Вышивокъ я не видѣлъ вовсе» (стр. 59).

ства у чоудоровъ; 3) серьгу, носимую въ носу чоудорками. Такую-же серьгу, но узбецкую, купилъ въ Ст. Ургенчѣ (для этн. муз. Акад. Наукъ).

По дорогѣ въ Гѣкъ-чеге и Клыч-Ніяз-бай сфотографировалъ развалины Булдум-Сазъ (17 іюня). Позавтракавъ и отдохнувъ въ Гѣкъ-чеге, гдѣ меня встрѣтилъ хакимъ Клыч-Ніяз-бая, Рахманъ-Бергенъ-Аталыкъ, внукъ Алла-кули-хана, я проѣхалъ въ Клыч-Ніязъ-бай и оставался здѣсь до 19 іюня. Хакимъ, пожилой человекъ, любитель соколиной охоты, сообщилъ мнѣ много интереснаго о перемѣнахъ въ хивинскомъ быту, одеждѣ, пищѣ за послѣдніе 30—35 лѣтъ подъ вліяніемъ туркменовъ, ногаевъ (по-русски «татары»), кызылбашей (т. е. персіянь) и русскихъ.

19 іюня полудневалъ въ Кытаѣ, въ саду Рахманъ-Бергенъ-Аталыка, а вечеромъ былъ въ Гурленѣ. По дорогѣ видѣлъ поселенія туркменскаго племени арвачи. Гурленскій округъ населенъ преимущественно узбеками, и я наблюдалъ узбецкую рѣчь, слушая сказочника изъ племени канглы.

Выѣхавъ изъ Гурлена 21 іюня на разсвѣтѣ, я имѣлъ «чāшкālik» (изъ перс. چاشنگاہ и тур. لیک, остановка для завтрака) въ Янгы-базарѣ, а въ Новый Ургенчъ прибылъ около полудня. Русскіе, живущіе въ Хивинскомъ ханствѣ (почти исключительно уральцы), называютъ этотъ городъ — Ургенчѣ и говорятъ: въ Ургенчāхъ, изъ Ургенчѣй и т. д. Проведя здѣсь слѣдующій день въ полномъ бездѣйствіи изъ-за жары, я вечеромъ 22 іюня былъ уже снова въ г. Хивѣ, чтобы отблагодарить хивинское правительство за гостепріимство и поработать еще нѣсколько дней на прощанье въ столицѣ. Я купилъ инструменты и образчики бумажныхъ узоровъ для рѣзьбы по дереву (на дверяхъ, колоннахъ). 25 іюня ночью я выѣхалъ изъ Хивы, рано утромъ 26-го былъ въ Ханка (пришлось много колесить, такъ какъ изъ-за начавшагося подъема воды въ Аму-дарѣ спесло много мостовъ), а подвечеръ — въ Петро-Александровскѣ.

По пріѣздѣ въ г. Хиву я узналъ, что вскорѣ по моемъ отбытіи изъ Старога Ургенча, тамъ случился грандіозный пожаръ, уничтожившій весь базаръ.

VI. *Петро-Александровскъ — Чарджуй.*

Въ Петро-Александровскѣ я оставался до вечера 2 іюля, когда переѣхалъ на пароходъ, ушедшій въ Чарджуй 3 іюля. 28 іюня вечеромъ я выѣзжалъ изъ П.-А. на развалины Гуль-Дурсунъ, за 30 верстъ, которыя осматривалъ и фотографировалъ весь день 29 іюня; со мной ѣздилъ мировой судья, любитель древнихъ монетъ А. М. Герасимовскій и, по распоряженію генер. Глушановскаго, техникъ орошенія, знакомый съ мѣстомъ. Въ Петро-Александровскѣ я купилъ узбекскій женскій головной уборъ «іаѣакъ» и фотографировалъ нѣсколько туземныхъ женщинъ.

Съ хивинскимъ обществомъ я разстался только въ Чарджуй, 9 іюля, такъ какъ путь по Аму-дарьѣ совершалъ вмѣстѣ съ хивинскимъ наслѣдникомъ, Исфендіаръ-тюрей и его свитой, ѣхавшими въ Ташкентъ представляться новому генералъ-губернатору. Первыми лицами въ свитѣ были старо-ургенчскій хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай и караванъ-башы (министръ торговли) Метъ-Вефа-бай, владѣющій русскимъ языкомъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, о содѣйствіи которыхъ я упоминалъ въ своемъ отчетѣ, а также слѣдующимъ учреждениямъ: И. Спб. Университету и Русскому Комитету—за назначеніе мнѣ командировочныхъ средствъ (600 и 400 р.); Азіатскому Отдѣлу Главнаго Штаба и Капцеляріи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора—за распоряженія о содѣйствіи мнѣ на мѣстахъ.

С.-Петербургъ, 24 ноября 1908.